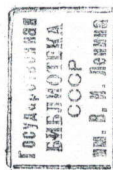

Орлов С. А. Картины поэта
Шотландия (к 200-летию со
дня рождения Р. Бернса). —
Горький, 1959.

59-38725-6

БЕССМЕРТИЕ ПОЭТА

Скульптор, изобразивший Бернса, идущего за плугом, с улыбкой смотрящего на полевую мышь, гнездо которой разрушено плугом, передал самое главное в творческом облике поэта — его любовь к жизни, редкую человечность, бережное отношение ко всему живому:

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке
За жизнь свою?
Не трусь, — тебя своей лопаткой
Я не убью...

Песни Бернса полюбились простым людям Шотландии. Своей искренностью, глубиной и силой чувств эти песни понравились Марксу. Их с волнением читал Ленин. Над их переводом трудился русский поэт-демократ Михайлов. Бернс любим в советской стране, потому что он, как справедливо писал в свое время «Чартистский вестник», «был другом человечества, братом людей, бичом угнетателей и защитником угнетенных, республиканцем и демократом».

Роберт Бернс родился в семье шотландского фермера 25 января 1759 года — в крытой соломенной хижине селения Аллоуэй, вблизи города Эйр. Ему не было

и десяти дней, когда порывом ветра снесло крышу дома и матери с сыном пришлось искать убежища у соседей, пока отцу не удалось устранить следы разрушения. Позднее, говоря о своем рождении, поэт вспомнил об этом в веселой песенке о Робине:

И в щели дома дул январь
Когда родился Робин...

Родители будущего поэта были очень бедны. Уже с детских лет, как вспоминал позднее Бернс, «сам ходил за плугом и мои босые ноги подвергались действию непогоды во все времена года». В тринадцать лет поэт, по признанию его брата, был главным работником на ферме. В дальнейшем пришло полное разорение семьи, и она попала в когти ростовщика. «Отец женился поздно, я был старшим из семерых детей. Решив воспользоваться последующими двумя годами аренды, мы во всем урезали свои расходы и жили очень бедно. Здоровье отца ослабло, но для моих лет я был искусным работником и во всем помогал ему». Бернсу было около шестнадцати лет, когда семья перебралась на другую ферму, но несогласие между крестьянином и владельцем фермы обострили болезнь отца и только смерть спасла отца поэта от тюрьмы.

Бернс подчеркивал свою самую непосредственную связь с породившим его крестьянством: «Я не имею ни малейшего права на звание джентльмена. В жилах моих течет кровь древняя, но безвестная; она добралась до меня, переходя от самого потопа из одного крестьянина в другого, и геральдика меня и знать не хочет».

С юных лет Бернс пристрастился к чтению. Первые прочитанные им книги были «Жизнь Ганнибалы» и «История сэра Уоллеса». Вильям Уоллес (1272—1305) — патриот и национальный герой Шотландии, поборник шотландской независимости, на всю жизнь остался любимым героем поэта. «История Уоллеса влила в мой вены шотландские традиции, которые не перестанут во мне kloкотать до тех пор, пока жизнь, открыв шлюзы, не приведет к вечному покою». В числе других книг, прочитанных позднее, поэт называет «Сборник английских песен», стихи Аллена Рамзея, несколько пьес Шекс-

пира, «Опыт о человеческом разуме» Локка, творения Поупа, Стерна.

Сборник шотландских и английских песен «Жаворонок», оказавшийся в руках поэта, усилил интерес Бернса к поэзии, содействовал расцвету его таланта.

Бернсу было лет пятнадцать, когда он написал свою первую песню. О том, как это случилось, он рассказал позднее:

«Все знают наш деревенский обычай — во время жатвы давать парням в подручные девушки. Моей подружницей была чудеснейшая девчонка — Нелли, всего лишь одной весной моложе меня... Никогда я прямо не говорил Нелли, что люблю ее. Да и самому мне было непонятно, почему я так охотно отставал вместе с нею ото всех, когда мы возвращались вечером с работы; почему сердце мое трепетало при звуках ее голоса, как струна золотой арфы, и почему у меня так бешено стучала кровь в висках, когда я касался ее маленькой руки, чтобы вытащить колючки терновника или злую занозу. Много было в ней такого, от чего могла зародиться любовь, да к тому же она прекрасно пела. На ее любимый мотив я и попытался впервые выразить свои чувства в рифмах...».

С той поры в душе поэта проснулись поэзия и любовь, которые, по словам Бернса, «уже не покидали его до последних дней жизни».

Поступив на курсы землемеров, Роберт достаточно скоро охладел к наукам: «Хотя на этих курсах я научился наполнять стаканы, но не плохо ознакомился и с геометрией. Однажды мне поручено было измерить высоту солнца и, мучаясь над тригонометрическими величинами, я увидел девушку, собиравшую цветы, и это было такое солнце, что опрокинуло сразу всю мою тригонометрию и пустило меня по тангенсу из сферы моих вычислений. С неделю я еще помучился над синусами и косинусами, но ничего не выходило, и я уехал домой». К этому времени расцвел удивительный талант поэта. Бернс писал стихи на мотивы шотландских народных песен, нередко помечая в рукописи и название музыкального мотива. Не довольствуясь сочинением лирических песен и баллад, он набросал черне трагедию, от которой остался лишь небольшой монолог: «Со слезами

негодования взираю я на утешателя. Он радуется гибели честного человека, виновного лишь в том, что обладал непокорным сердцем».

Поэта глубоко волновала социальная несправедливость, нелепости правопорядка, при котором бедняки угнетены, а богатч незаслуженно пользуется правами. Характерно в этом смысле и такое его позднее признание:

«...я помню, — и это, пожалуй, одно из самых ранних моих воспоминаний, как однажды в церкви, совсем еще мальчишкой, я разозлился до слез, увидев, что молоденькая девушка, служанка из помещичьего дома, поспешно воючила со скамьи, чтобы пропустить своего хозяина — надутого, чванящегося своей толстой милой, урода, который с важным видом проследовал мимо девушки, даже не взглянув на нее. А она была прекраснейшая!».

С ранних лет поэт возненавидел ханжей и святош. Во имя осуждения лицемерия и лжи, бесчестности законна и социальной неправды Бернс написал свои антицерковные произведения — «Молитва святого Вилли», «Благочестивая ярмарка», а также свои гневные поэмы — кантату «Веселые нищие» (1785) и «Две собаки» (1786).

Поэт жил в обстановке постоянной нужды и лишения, на положении «галерного раба», преследуемый своими ненавистниками.

Вскоре его жизнь безмерно осложнилась в связи с тем, что Бернс полюбил дочь зажиточного человека — Джин Армор и сблизился с нею. По шотландским законам достаточным обоснованием для заключения брака было письменное согласие лиц, вступающих в брак. Роберт и Джин заготовили это свидетельство, но отец Джин уничтожил подписанное девушкой брачное обязательство, запретил ей встречаться с любимым, пригрозил Бернсу тюрьмой.

Поэт принял решение летом 1786 года уехать на Ямайку, работать там с тем, чтобы выбиться из нужды и, по возвращении на родину, жениться на Джин. Не было денег даже на переезд. Тогда возник проект издания сборника песен. Бернс собрал свои записи, которые, как правило, даже не всегда и хранил, и издал

в количестве шестисот экземпляров — 31 июля 1786 года под названием: «Поэмы Роберта Бернса, преимущественно на шотландском диалекте». Он ожидал, что это издание будет встречено одобрительно, — оно обеспечило ему всеобщее признание.

Один из первых биографов Бернса Роберт Эрон, оставивший свой воспоминания о поэте, писал: «Старый и молодой, люди занимавшие высокое или рядовое положение, образованные и не получившие образования — все были приятно поражены, взволнованы. Багажи и работницы с ферм охотно отдавали с трудом накопленные деньги, отказываясь подчас от самого необходимого вплоть до покупки платья, лишь бы достать томик стихов Бернса».

По словам другого современника, рабочие ткацкой мастерской в Кильмарнокке, купив книгу в складчину, разделили листы и учили стихи наизусть. Песни Бернса зазвучали в устах его современников, заставляя сильнее биться сердца, пробуждая в шотландцах чувство еще большей любви к родной Шотландии.

В начале сентября поэт узнал, что он стал отцом двух рожденных Джин детей. Счастливый отец не мог, однако, не беспокоиться о будущем своей семьи. Он писал Роберту Муру:

«Мой друг, мой брат! Ты должно быть слышал, что Джин вернула мне залог любви вдвойне. Чудесный мальчишка и девочка пробудили в моей душе тысячи противоречивых чувств — и сердце бьется то от светлой радости, то от мрачных предчувствий...».

Неожиданно поэта пригласили в Эдинбург. С одной стороны эдинбургскому обществу lystило появление в шотландской провинции талантливого поэта, с другой стороны здесь играло роль и праздно любопытство по адресу крестьянского «самородка». Для лиц имущих и знатных он был всего лишь одаренный крестьянин, которому надлежало «знать свое место». Время, проведенное в Эдинбурге (1786—1787) оставило памятный и вместе тягостный след в душе поэта.

В декабре 1786 года поэт с горечью и пнемом писал о приеме оказанном ему в Эдинбурге: «Нет такой злой обиды под солнцем, которая досаждала бы мне больше, чем прием, оказываемый мне знатыми мира сего. Соз-

навая, что люди рождены равными, я с горечью смотрю на самодовольную чванную тупость какого-нибудь сквайра или сэра. Мне обидно слушать, как смеются бездарным, тупым островам идиота, в ком способностей не хватит даже на то, чтобы стать дешевым бродячим торгашкой, а сердца нет ни на грош».

Попав в столицу, общаясь с крупнейшими ее представителями и зная, Бернс неизменно сохранял присущую ему независимость суждений и мышления, был резок с теми, кто затрагивал дорогие ему людей или пытался обогатить дорогие ему имена.

Здесь в Эдинбурге Бернса впервые увидел будущий знаменитый мастер исторического романа — Вальтер Скотт, оставивший теплые воспоминания об этой встрече:

«Мне было пятнадцать лет, — писал Вальтер Скотт, — когда Бернс приехал в Эдинбург. Это был крепкий коренастый человек, державшийся просто, непринужденно и с большим достоинством... Во всем его облике чувствовалась сила и ум. По глазам сразу можно было определить поэтический темперамент. Большие и темные, они горели (я говорю «горели» в самом буквальном смысле слова), когда он говорил о чем-нибудь с силой и увлечением. Никогда мне не приходилось видеть такие глаза, хотя я и встречался с самыми знаменитыми людьми. В его речах слышалась полная уверенность в себе, однако безо всякого самодовольства. Общество Эдинбурга ласкало и баловало его; жаль, что помощь, оказанная ему, была весьма незначительной».

Но, хотя он был так беден, что ему вечно грозило полнейшее разорение, хотя в те дни его ждала судьба бродяги или просто нищего, он казался столь гордым и независимым, словно владел несметными богатствами».

Поэт не получил какой-либо материальной поддержки в Эдинбурге, ему пришлось вернуться к труду земледельца.

Лишь в июле 1788 года брак Бернса был наконец одобрен церковью. От Роберта и Джин потребовали публичного покаяния и оштрафовали поэта на одну гинею.

Жизнь не баловала поэта. Рождались дети, денег не хватало на их пропитание. Упорный труд земледельца не оправдывал затрат, не было достаточного време-

88

ни для написания стихов — поэт создавал их в поле, за работой, на досуге — всюду, где придется. Письма поэта свидетельствуют о крайней необходимости его и вместе с тем о его непреклонном стремлении быть независимым и свободным:

В январе 1791 г. в записке книгопродавцу Питеру Хиллу: «О бедность, ты свободная сестра Смерти, родственница дьявола!».

В апреле 1791 г. «При всей бедности я столь же независим, как любой из монархов и гораздо счастливее их. С нескрываемым презрением я могу смотреть на ничтожество в придворном звании и относиться с искренним уважением к честному бедняку».

В октябре 1792 г. «Свобода! Как дорога эта тема для меня с моими национальными традициями! Свобода — бесценное сокровище, ее стоит купить любой ценой!

Мне кажется, что если бы я мог, я осушил бы все слезы на всех глазах».

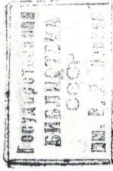
Чтобы иметь кусок хлеба для семьи, Бернс поступил акцизным. «И для такого человека свет не сумел придумать лучшего дела, как сосчитать с контрабандистами и целовальниками, высчитывать акциз и ревизовать пивные бочки» — говорил биограф поэта Крелль.

События 14 июля 1789 года, крушение старого порядка во Франции потрясли всю Европу. Известие о революции в Париже вдохновило поэта. Он открыто выражал свои симпатии революционной Франции. Бернс создает свои известные произведения, славящие революцию. Таковы: «Видение», «Дерево свободы», «Ода на рождение Вашингтона» и другие.

Находясь однажды в дамфрийском театре (октябрь 1792 г.) в момент исполнения гимна в честь короля, когда присутствующие, сняв головные уборы, слушали гимн стоя, поэт демонстративно остался сидеть. Когда же реакционная часть публики потребовала удаления Бернса, он снял шляпу, но громко заявил при этом о своем желании услышать исполнение *Ca, l'al!*²

1) Т. Карлейль. Исторические и критические опыты. М. 1878 стр. 350.

²⁾ Название французской революционной песни. С. О.

Воссоздавая обстановку тех памятных лет, современный нам шотландский писатель Джеймс Барк, автор многотомной серии романов о жизни Бернса, пишет:

«В беседе с женой поэт говорил тогда: «Запомни: я, как это тебе известно, целиком на стороне Франции, на стороне Тома Пейна — за демократию. Другими словами, милая Джин, тебе более чем хорошо известны мои принципы. — Я за права человека. Я считаю, нам как воздух нужна свобода, свобода и равенство — нужны как нашей стране, так и любой стране мира»!

«Светское» общество отвернулось от неблагонадежного поэта; акцизное начальство предупредило о том, что он может быть уволен, что ему следует не касаться вопросов политики. Бернс в ответ сочинил эпиграмму:

К политике будь слеп и глух
Коль ходишь ты в заплатах.
Ты знаешь: зрение и слух —
Удел одних богатых.

А между тем болезнь и смерть стояли у него за спиной. Бедность и долги пригнали к земле. Лежа на смертном одре он тяготился тем, что оставляет семью без средств существования, что ему не хватает нескольких фунтов на уплату долга, что ему грозят долговой тюрьмой. Его последние письма являются документом величайших моральных страданий:

За несколько дней до смерти в письме к Джеймсу Бернсу он писал:

«Дорогой кузен! Когда ты предлагал мне денежную помощь, я и не думал, что она может так скоро понадобиться. Мерзавец-лавочник, которому я должен значительную сумму, забрав себе в голову, что я умираю, возбудил против меня процесс. Все, что от меня осталось — кожу да кости! — непременно бросят в тюрьму. Не можешь ли ты оказать мне услугу и обратной почтой прислать десять фунтов? Ах, Джеймс, если бы ты знал мое гордое сердце, ты бы посочувствовал мне вдвойне! Не привяк я просить... Мой врач уверяет

¹⁾ Джеймс Барк. Источник умолкнувшей арфы. Лондон. 1954, стр. 107. Перевод мой С. О.

меня, что тоска и угнетенное настроение — половина моей болезни. Представь же себе мой ужас, когда задалось это дело! Если бы его уладить, мне стало бы наивно, много легче. Надеюсь, ты меня не подведешь. Спаси меня от ужасов тюрьмы! Я не знаю, что написал. Предмет этого письма столь ужасен, что у меня нет сил перечитать письмо еще раз. Прощай!».

21 июля к постели умиравшего отца подошли четверо детей, чтобы навсегда проститься с отцом. Поэт умер в тот же день — 21 июля 1796 года, на тридцать восьмом году жизни. В день похорон великого поэта родился пятый ребенок.

Гроб с телом поэта несли до кладбища на руках. За гробом шли тысячи друзей Бернса — грузчики родной ему Шотландии.

«Крестьянин с душой подобной Золотовой арфе» — как называл поэта Т. Карлейль, Бернс — подлинно народный поэт Шотландии. Основой его поэзии являлась правда самой жизни. В общении с родной ему страной, ее людьми, ее природой нашел он свои песни. Труд и борьба породившего его народа, радость и скорбь Шотландии, удивительное богатство ее фольклора стали неиссякаемым источником его поэзии.

Поэт с уважением говорил о своих предшественниках — поэтах Рамзее и Фергюссоне. Но уже В. Скотт отметил несоизмеримость дарования Бернса с талантом названных выше авторов: «Бернс, обладая в двадцать раз большим талантом, чем Рамзей и Фергюссон, с великим уважением отзывался о них... вероятно национальное пристрастие сказалось в этой преувеличенной похвале».

Гораздо большее влияние на будущего поэта оказали, вероятно, песни, которые он слышал в детстве из уст матери, легенды и рассказы, с какими знакомила его Бетти Давидсон, жившая в доме его отца. Как вспоминал позднее поэт, эти рассказы и сказки оказали на сознание будущего поэта заметное воздействие: «Они пробудили в моей душе дремавшие семена поэзии и оказали столь сильное впечатление на мое воображение, что и доныне во время моих ночных поездов я с особым

вниманием смотрю в темноту, несмотря на то, что в этих вопросах нет человека скептичнее меня».

Любовь к народной песне пронес он через всю свою жизнь — как величайший дар, которым обладал его народ. И не удивительно, что созданные им песни скоро стали достоянием шотландцев. Это хорошо осознал Гете, неизменно говоривший с любовью о Бернсе:

— Возьмите Бернса. Отчего он велик? Оттого, что старые песни его предшественников жили в устах народа, что они, так сказать, пелись у его колыбели, что ребенком он вырос на них, что совершенство этих образцов, так сказать, сжилось с ним, что у него было живое основание, на котором он мог создавать дальше. И он велик еще оттого, что его собственные песни тотчас же проникли в народ, что их тотчас же запели косари и жнецы, что ими встречали его в кабачках веселые ребята!

Без песни нет для поэта счастья. Часто, уставая за плугом, бедная муза поэта, по словам Бернса, «грустно просит, чтобы он не писал, потому что она очень уж утомлена, ноги у нее еле двигаются после дня, проведенного в разбрасывании семян по бороздам или задании корма лошадям». И когда она говорит ему: «Ведь ты же знаешь, что мы целый месяц и больше того были так сильно заняты, что право голова у меня совсем ошеломлена», Роберт не слушает ее, потому что песни — «его сокровище, его главное, почти единственное наслаждение — дома, в поле, за работой, на досуге».

Каждой строкой своих песен поэт он в жизни родного ему народа, о его радостях и горе, мечтах и дерзаниях. Неповторимое обаяние гор, красота озер и долин, бурное течение рек и водопадов, своеобразие вересковых просторов, пение жаворонка, возносящего свой привет утреннему солнцу, запах трав и цветов — все находит свое отображение в лирике поэта. «В горах мое сердце!» так называется одно из самых любимых шотландским народом стихотворений Бернса и родине поэт готов отдать всю кровь своего пылкого сердца.

¹⁾ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М. А. 1934. стр. 715.

Как поэт, Бернс явился непосредственным предшественником Байрона, Шелли и Скотта. Гордое чувство национального самосознания, ненависть к тем, кто угнетает народы, обличает его с автором «Чайльд Гарольда»; тончайший лиризм, защита прав человека и природы — глубоко созвучны настроениям Шелли, его страстный патриотизм, неиссякаемый интерес к героическому прошлому своего народа подготовливает появление поэтических творений В. Скотта. Он мечтает о национальной независимости шотландцев. С горечью говорит о Шотландии, ставшей «провинцией Англии гордой». Тягостное бремя английских властителей тяготит его свободолубивую душу:

Нас сдали за плату
Английскому злату. («Прости»).

Он прославляет национальных героев своей страны — Уоллеса и Брюса, некогда боровшихся против Англии.

Нелепо было бы представлять этого выдающегося гражданского поэта, борца и революционного демократа сентиментальным лириком, недооценивая его многочисленные произведения, проникнутые пафосом восстания и борьбы, разящие лжецов и тунеядцев, эксплуататоров, сиятельных бездельников.

Народность Бернса — это органическая связь с народом, близость к народу, сознательное стремление средствами поэтического искусства бороться за его раскрепощение, волю, за утверждение такого общественного строя на земле, при котором само имя человека труженика будет звучать гордо.

Поэтому то так часто в его песнях и фигурирует труженик, живущий всей радостью создающего труда, либо мятежник и протестант, поднявший мятеж против несправедливых устоев жизни, отвергающий в принципе короля и дворян, нелепость церковной ортодоксии, жестокость суда и тюрьмы.

К проблеме изображения крестьянства Бернс подходит как к социальной проблеме. Для него крестьянин — конкретный социальный персонаж шотландской действительности второй половины XVIII века. Если крестьяне Гольдсмита идеализированы и сентиментальны,

если Гольдсмит, изображая бедствия крестьян, зовет к примирению, Бернс дает реалистическое воплощение образа, акцентирует социальную сторону вопроса.

«Пусть дьявол возьмет такую жизнь, при которой плоды, которые мы пожинаем, должны достаться дру-
гому!» — восклицает поэт.

Богата и разнообразна галерея его героев — здесь крестьянин, идущий за плугом в теплый весенний день, веселые косари, убегающие от внезапно налетевшего дождя, доярка, мечтающая о замужестве, мельник, осыпанный мукой в такой мере, что самый поцелуй его оставляет след на девичьих губах, о чем со смехом рассказывает девушка.

Со страниц его книг встает для читателя образ не-повторимо-своеобразной, необычайно богатой чувствами жизни простых людей труда, которым ничто человеческое не чуждо — труд и отдых, печаль и радость, любовь и ревность.

С огромной силой поэтического дарования Бернс рассказал о красоте любви, о необычайно душевном богатстве трудящегося человека. Что может быть величественней и чище той обстановки любви, которая показана поэтом в стихотворении «Ночлег в пути»? Что может быть непосредственнее и ярче той старости, какая показана в стихотворениях Бернса «Пробираясь через рожи», «Финдлей», «Босая девушка» и многих, многих других.

Но гуманизм поэта, его близость к природе, богатство его души проступают и в той взволнованной любви к жизни, которую мы обнаружим в его лирике. Он с волнением поет о полевой мыши, гнездо которой случайно разрушил его плуг, он пишет о маргаритке, его взор сверкает гневом при виде бегущего раненого зайца — он хотел бы видеть жизнь победной повсюду, ему ненавистно все, что сеет несчастья и смерть. В его поэзии — гимн жизни в любых ее проявлениях. И каждый раз строки его лирических песен неизменно возвращают читателя к человеку, помогают прийти к выводам, имеющим уже социальное звучание — сама собой напрашивается параллель: бедствия зверька наводят на мысль об обездоленности и горе крестьянина.

Гимном жизни и волюности, бунтарства и стойкости,

стала для народа баллада Бернса «Джон — Ячменное Зерно», являющаяся одновременно великолетным отображением трудовых процессов, пронизанная солнцем, пышущая здоровьем и весельем.

Поэт народа презирает тот социальный правоо-рядок, при котором немногие окружены роскошью, а большинство лишено хлеба. Он глумится над спесью аристократов и заносчивостью богачей.

Его знаменитая песня «Честная бедность» — выражение самых заветных чувств и дум — честный бедняк заслуживает большего уважения, чем король, а титулам, чинам и рангам — грош цена!

Кто честной бедности своей

Стыдится и все прочее,

Тот самый жалкий из людей,

Трусливый раб и прочее...

При всем при том,

При всем при том,

Пускай бедны мы с вами,

Богатство —

штамп на золотом,

А золото —

мы сами!

(Перевод С. Маршака).

Презрения достойны те, кто свою жизнь подчинил погоне за богатством. Пусть пышен траурный кортеж богатой вдовы, ее смерть не вызовет ни сожаления, ни вздоха; самое имя ее — достойно позора:

Ждет тебя сводов подземных мрак,

Жестокий палач, живущего враг!

В траур ты пряталась скромный, вдова,

Были бесцельны и жизнь и слова;

Лопнуть от денег сундук был готов;

Проклята будь же во веки веков!

(«На похороны г-жи Освальд»,

перевод мой — С. О.).

Тот же мотив презрения к собственности, стяжательству и деньгам звучит в стихотворениях «Мэгги с мельницы», «Красавица из Баллохмеля», «О, как ро-

дители жестоки!», «Что делать девчонке?» и многих других.

Жизнерадостный юмор, любовь к жизни окрашивают почти каждую строку произведений Бернса.

Героиня последнего стихотворения—юная Джени, ставшая против воли своей женой богатого старика, к тому же ревнивого и глухого, дает своему мужу весьма неслестную характеристику:

Ворчлив он и болен, всегда недоволен,

В груди его холод, в руках его —лед,

Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет,

Как тяжело пробиться с ним всю ночь напролет!

Жалуясь на ревнивца, сторожащего каждый шаг молодой жены, Джени завершает рассказ озорными словами, свидетельствующими о том, что она смотрит на будущее с надеждой:

Спасибо, на свете есть тетушка Кетти,

Она мне дала драгоценный совет:

Во всем старику перечить я стану,

Пока он не лопнет на старости лет.

(«Что делать девчонке?»,
перевод С. Маршака).

Юмор — стихия поэтического темперамента Бернса. Веселая шутка, смех, озорство характерны для многих и многих его лирических произведений, поэм и песен. Мы смеемся над простодушным Уилли, столь неудачно влюбившимся в красивую девушку, посмеиваемся над простоватым парнем, над поведением веселого вдовца, все еще испытывающего страх при одном упоминании о покойной подруге.

Но юмор Бернса становится другим, когда Бернс смеется над теми, кто ненавидит трудящимся. Трус и ханжа, лицемер и святоша — вот объект его сатирического обличения. Против них написаны и «Молитва святого Вилли» и «Благочестивая ярмарка». Бернс глумится над сонмом святош, объявивших его ребенка, рожденного вне брака — «незаконнорожденным». В стихотворении «Привет своему незаконному ребенку» поэт в пику ханжам во всеуслышание заявляет:

Ты вся в красотку мать, нет слов,
И я любить тебя готов,
Принять тебя под отчий кров
И так тобой гордиться,
Как будто весь собор попов
Помог тебе родиться!

Существенное отличие Бернса от предшествующих ему поэтов и современников состоит и в том, что Бернс не только оплакивает судьбу разоренного фермера, как это делает Гольдсмит, как это отчетливо заметно у Крабба, Бернс и нападает. Он пользуется сатирой как оружием в своей борьбе, вносит в поэзию резко обличающую струю. Именно это решительно отличает его от поэзии предшественников — Рамзея и Фергюссона, лирики Томсона и Грея, примиренческих тенденций Гольдсмита. Он пользуется для этой цели и формой сатирического послания и стихотворным диалогом, и песней.

Поэт простых людей, Бернс славит труд и честность, независимость и смелость, альтруизм и гуманность. Его герои отзывчивы и человечны. Сколько глубокого чувства, сколько уважения к человеку проявляет поэт, прославляя дружбу и человечность. Обращаясь к другу — Джону Андерсону, черные волосы которого время опушило снегом, поэт произносит слова любви и верности, признания и дружбы:

Теперь мы под гору бредем —
Уж смерть недалека...

Дай руку мне, мой милый Джон,

И вот —

моя рука!

(«Джон Андерсон», перевод мой — С. О.).

Искренность и лиризм, страстность чувств и жизнеутверждение, полное отсутствие сентиментальности или аффектации, ясность мысли и доходчивость, музыкальность и особая художественная выразительность — такова песня Бернса. Три компонента песни—мысль, метрика и мелодия гармонично связаны между собою. Бернс тщательно отделяет песню, добиваясь предельной гармоничности, целостности и согласованности.

Богатство аллитераций, напевность, частые повторения, лиризм при удивительной ясности и четкости мысли определяют красочность и неповторимое обаяние его песен.

Прав был один из английских критиков, сказавших, что песни Бернса — это сама музыка. Не случайно его лирика всегда привлекала внимание композиторов — тексты его песен положены на музыку многими выдающимися композиторами мира — Шуманом, Мендельсоном и другими.

Вся жизнь и творческая практика поэта явились страстной борьбой против социального фарисейства, лицемерия и ханжества религиозных учений. Господствующим учением в Шотландии был кальвинизм. Сохраняя кое-что от католицизма — его нетерпимость, аскетизм, кальвинизм яростно придерживался буквы Библии, требовал безоговорочного соблюдения ее догм и законов. Аскетизм, деспотическая власть церкви должны были заменить полноту и радость жизни.

Вышими добродетелями объявлялись умеренность и воздержание. Духовенство и церковь — огромная сила в Шотландии второй половины XVIII века. Из поля зрения духовенства не выпадала и частная жизнь граждан. В целях «исправления» прибегали к публичному «покаянию». Обычно в воскресенье, в церкви, переполненной молящимися, «кающийся», нередко одетый в особое платье, должен был взойти на возвышение и стоять там, слушая внушение служителя церкви. Этот своеобразный обычай представлять «согрешившего» чуть ли не у позорного столба, обычно повторялся в течение длительного времени. Особенно сурово карались «грехи» девушек. Поднимаясь на церковное возвышение вместе с парнем, девушка не имела права закрывать лицо платом — все было рассчитано на то, чтобы унижить ее человеческое достоинство.

Возводя на эшафот мужей и жен, не получивших разрешения церкви на брак, шотландское духовенство отказывало в признании и «незаконорожденным» детям. Бернс имел все основания ненавидеть церковников — они преследовали его, любимую им девушку и его ребенка.

С первых шагов своей поэтической деятельности

Бернс нападал на духовенство. Сатирой на церковников, разодравшихся из-за приходских владений, явилось его произведение «Два пастыря». Вскоре появилась «Молитва святого Вилли», высмеивающая ханжу — церковного старосту Вильяма Фишера — пресвитерианского доносчика и лицемера. Как правильно указывает А. А. Елистратова, эта сатира представляла собою «удачный опыт реалистической зарисовки отталкивающего характера. Вместе с тем в стихотворении с поразительной для того времени смелостью подвергались сомнению и осмеянию существующие пункты пуританской теологии».¹⁾

Поводом для написания сатиры послужило следующее: шотландский Тартюф — старшина приходского совета, Вильям Фишер, кичившийся своей «нравственностью» и бывший в действительности развратником, обрушился на друга поэта — Гэвина Гамильтона, обвинив его в нарушении праздника воскресенья, в невоздержанности и прочих грехах. Это возмутило Бернса, знавшего Гамильтона как безупречного в нравственном отношении человека. Созданное Бернсом стихотворение сделало ханжу посмешищем всего прихода.

Смирненно беседуя с богом, святоша благодарит его за то, что он создал Фишера в качестве примера для других и светаца веры в округе. Но весь ход рассуждений мошенника разоблачает его именно как развратника и лжеца:

Ты знаешь, милосердный бог,
Как к пьянству, ругани я строг,
Как ненавиستن мне порок
Да игры с песней, пляской,
Я избежать их дал зарок.
Смотрю на них с опаской...
Но все ж, признаюсь я, господь,
Подчас меня смущает плоть,
И может жало уколоть
Земного вожделенья...

(Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник).

¹⁾ А. Елистратова, Роберт Бернс. Критико-биографический очерк. ГИХЛ. М. 1957. стр. 35.

Унаследовав от народной сказки острогу и сарказм, Бернс создает свою крупную антиклерикальную поэму «Благочестивая ярмарка» (1786 г.). Весь пафос своей веселой поэмы, рисуемой проповедников калынизма, как тупиц и святош, в том, что поэт поет песню в честь любви и человечности. Полной противоположностью нитью и вою святош являются слова поэта —

Коль вышел из пеленок,
Пожалуй, будет тошен свет,
Когда в нем нет девчонок.

(Перевод мой).

В пику аскетам и лицемерам Бернс славит здесь юность и поцелуй, веселье и смех, отвергая самую мысль об аскетизме и смирении.

Трудно согласиться с утверждением английского исследователя и биографа Бернса — профессора Снайдера, ошибочно полагающего, что «Благочестивая ярмарка» в наши дни утратила свою острогу.

Всеми своими балладами, каждой строкой своих песен поэт доказывает, что фанатизм выроден только духовенству, народ же обойдется и без преисподней. В этом смысле показательно знаменитая сатирическая поэма Бернса «Тэм О'Шентер», богатая юмором, исполненная насмешки над учением церкви об ужасах ада.

Герой поэмы, крестьянин Тэм, напившись эля, верхом на кобыле помчался в дорогу, намереваясь попасть в Кирк Алловей — церковь на погосте. Добравшись кое как до цели, Тэм в удивлении остановился — в церкви кружился хоровод страшных ведьм. Но Тэм не струсил. Заметив голую и смазливую ведьму,

Рассудок потеряв совсем
Как гаркнет:

Здорово, голышка!

Вынужденный позднее убежать от нечисти, Тэм удрал от погнавшей за ним «красавицы», зато кобыла Тэма не досчиталась хвоста. Поэма Бернса заканчивается советом:

Когда вас жажда мучит слишком,
Иль тянет к юбкам-коротышкам,

То от греха найдите силу
Припомнить тэмову кобылу.
(Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник).

В Англии можно часто увидеть изображения Тэма и его бесхвостой кобылы. Произведение Бернса широко популярно в семьях трудящихся.

Антиклерикальная поэзия Бернса, являясь одной из сторон его гражданской поэзии, неотделима от его любовной лирики, баллад и поэм.

Выдающимся политическим произведением Бернса, написанным еще в ранние годы, но появившемся в печати лишь в 1799 году, явилась кантата «Веселые нищие» — хорошо известная советскому читателю по переводам Э. Багрицкого, Т. Л. Щепкиной-Куперник, С. Я. Маршак.

Томас Карлейль назвал это произведение «самой поэтической из всех поэм Бернса». Вместе с тем, это одно из самых бунтарских его произведений, проникнутых ненавистью к угнетению и угнетателям. Подобная поэма отобразила гнев и ненависть обездоленных масс по адресу королей и владык, закона и тюрем.

Только полное непонимание художественной силы и своеобразия произведения могло бы привести к истолкованию этой поэмы, как проповеди анархических идеалов. Не закрывая глаза на недостатки, присущие изображаемому им героям, Бернс, тем не менее, гневно и резко ставит вопрос о праве человека на жизнь и счастье, хлеб и воздух. В его строках бушует и клочокет священная ненависть обездоленного, но не покорившегося народа.

Холодной ночью на огонек в кабак «сошлась вся голь и рвань». Оборванный служивый, сидя у огня, прижимает потаскушку, подставляющую бывалому солдату свой жадный до поцелуев рот. Подстать ей толстуха, дружок, который помимо воли своей вынужден был в конце концов познакомиться с веревкой, скрипач, поддерживающий толстуху, неудачник поэт, читающий свои стихи...

Пир нищих идет горой. Измученные жизнью, веселые собутыльники не думают сдаваться. Они поют песни, в которых бунт против короля и закона, против соб-

ственности и денег — этих высших ценностей буржуа:

К чорту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.
(Перевод С. Я. Маршака).

Бесспорно, что подлинной энциклопедией шотландского быта явилась у Бернса его поэма «Две собаки» (1876 г.) — произведение, открывавшее кильмарнокское издание стихотворений. В ней рассказывается о том, как однажды в июньский день встретились две собаки — Цезарь, живущий у аристократов, и бедняк Люат. Они далеки от того, чтобы подобно людям грызть друг другу горло, мирно беседуют о том, как устроен мир. По ходу диалога выясняется, что жизнь организована несправедливо, что удел крестьянина — налог и труд, а барство утопает в бездельи и роскоши.

Когда простак Люат высказывает надежду, что может быть богатый хозяин Цезаря служит народу, страшно, слышится гневная ответная реплика:

Служить стране! Ах ты, дворяжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повторит, что велит премьер.
Ответит «да», иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.
Стране он служит! Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженья.
Вот каково его служенье!

(Перевод С. Я. Маршака).

Подобным образом о социальной несправедливости не говорили современники Бернса.

Известие о падении Бастилии, о буржуазной революции во Франции, резко активизировало политическую поэзию Бернса. В эти годы он создал свое революционное произведение «Древо свободы» — ставшее его поэтическим завещанием потомству. Великая сила этого произведения, по мысли и чувствам близкого к «Марселье-

зе», в непоколебимой уверенности победы народов. Она неизбежна — эта победа, и ее приход станет днем подлинного счастья и братства народов:

Но верю я: настанет день —
И он не за горами —
Когда листья волшебной сень
Раскинутся над нами.
Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу
Как дружная семья, брат!
(Перевод С. Я. Маршака).

Лирика Бернса издавна любима в России. Первые русские переводы из Бернса появились уже в самом начале прошлого столетия. Позднее дал «вольные» переводы поэт И. Козлов. В 1837 году в «Библиотеке для чтения» был опубликован перевод баллады Бернса «Джон Ячменное Зерно» под названием «Иван Ерофенч Хлебное Зернышко».

Одно из стихотворений шотландского поэта переведено М. Ю. Лермонтовым:

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданием бы не знались...

Поэзия Бернса привлекла внимание М. Л. Михайлова и В. С. Курочкина; Т. Г. Шевченко в предисловии к «Кобзарю» писал: «А. Борнц... поэт народный и великий».

Очень любил стихи Бернса И. С. Тургенев. Он собирался даже писать специальную статью «Бернс и Кольцов» и статья была анонсирована в апрельской книжке «Русского слова» за 1860 год.

В советскую эпоху над переводами из Бернса трудились крупнейшие поэты — Э. Багрицкий, Т. Л. Щепкина-Куперник, С. Я. Маршак. В недавнее время вышла в свет обстоятельная работа А. А. Елистратовой «Роберт Бернс», представляющая собою крупный вклад в науку.

Успешно работает над книгой о жизни Р. Бернса Р. Я. Райт-Ковалева.

Книги и статьи о Роберте Бернсе:

Роберт Бернс. Избранная лирика. Перевод Т. Л. Щепкиной—Куперник. М. 1936.
Роберт Бернс в переводах С. Маршака. Гослитиздат, 1957.

Балашова Е. С. Некоторые особенности языка и стиха поэзии Р. Бернса. Ученые записки (Черновицкий университет) вып. 2. 1957.

Демурова Н. М. Роберт Бернс в оценке первых пролетарских критиков Англии. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, кафедра зарубежной литературы, вып. 4, под редакцией проф. М. Е. Елизаровой.

Елистратова А. Роберт Бернс. Гослитиздат, 1957.

Маршак С. и Р. Райт-Ковалева. Роберт Бернс (к 200-летию со дня рождения). «Знание», 1959.

Морозов М. Предисловие к книге «Роберт Бернс в переводах С. Маршака». Гослитиздат, 1954.

Орлов С. Бернс в русских переводах. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена, вып. XXVI, 1939.

Орлов С. Крестьянский вопрос в поэзии Бернса. Ученые записки Куйбышевского педагогического института, вып. 6, 1942.

Орлов С. Бернс и фольклор. Ученые записки Куйбышевского педагогического института, вып. 7, 1943.

Райт-Ковалева Р. Роберт Бернс о себе. Новый мир, 1954, № 6, июнь.

Райт-Ковалева Р. Вступительная статья к книге «Роберт Бернс в переводах С. Маршака». Гослитиздат, 1957.

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Иной, коль беден, вниз глядит,
Пройти—не вдруг решится...
Раба и труса жалок вид,
А нам—чего стыдиться!
Искать чинов нам нет причин,
И важно все ж не это!
Монеты штамп—высокий чин,
А люди—не монета!
Обед убог—забудь о нем!
Искать тряпья не будем!
Дурак в шелку, богач с вином,
Но разве это люди?
При всем при том,
При всем при том
Мы их иначе назовем...
Коль честен ты и под тряпьем—
Ходи по свету королем!..
Спесив, надут, заносчив лорд,
О нем трубит молва нам...
Сколь не спесив, сколь он ни горд—
Останется болваном!
При всем при том,
При всем при том
Мы тряпкой ленту назовем.
Награды счастья не дадут,
И дорог нам лишь честный труд.
Холопа принц продвинет в знать,
Разбогатеть поможет,
Но честность не ему давать,
То и король не сможет!
При всем при том,
При всем при том
Неправду честью не зовем.
Иная нам известна честь
И гордость в нашем сердце есть...

¹⁾ Предлагаю вниманию читателя часть своих переводов, выполненных в разные годы. С. Орлов.

Еще таится день во мгле,
Когда, скажу по чести,
И ум и честь по всей земле
На первом станут месте.
При всем при том,
Счастливей век
Придет и к нам когда-то,
И человеку человек
Протянет руку брата.

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Три короля далеких стран
Решили заодно:
Пусть смерти будет предан Джон
Ячменное Зерно!
Взяв плуг, по полюсе прошлись,
И в землю брошен Джон...
Торжественно цари клялись
Теперь, что умер он.
Шумит вода... В потоке гроз
Весна пришла затем...
Джон не погиб,—в земле пророс
На удивленье всем.
В июле—солнца жаркий луч
Согрел со всех сторон;
Усат и строен и колюч,
Джон стал теперь силен.
Но кроткой осени едва
Пришел законный срок.
Склонилась Джона голова,
Джон тяжело занемог.
И блекнет он и, утомлен,
Согнулся, пожелтев...
Теперь узнаешь, юный Джон,
Врагов смертельный гнев!
Мечом взмахнули короли:
В плену ты с этих пор!
Веревкой связан, и в пыли,
Джон на возу, как вор.
Он сброшен наземь и цепом
Его жестоко бьют;
Рвал ветра шквал его потом,
Как только вора рвут.
В могилу темную с водой
Его легко столкнуть:
Решай же перед смертью, Джон,
Доплыть иль утонуть!
Но и в колодце он силен,
Он не пойдет на дно:
Готов на пытки смелый Джон
Ячменное Зерно.

Огонь жестокий сжег сперва
Весь мозг его костей,
И в ход пустили жернова.
И сердце—меж камней!
Бунтует кровь на зло врагам—
Бери ее и пей—
И ходит кружка по рукам
Все чаще, все бодрей.
Был дерзок Джон—и кто его
Кровь без раздумья пьет,
В том сердце загорит огнем,
Отвага возрастет,
Тот скорбь забудет навсегда,
И стоит кружку взять—
Пойдет печальная вдова
И петь и танцевать.
Друзья! Стаканы заодно:
Шотландии оплот—
Пусть Джон Ячменное Зерно
Вовеки не умрет!

ПЕСНЯ НЕГРА

В родном Сенегале меня заковали
Враги — далеко, далеко...
Родимые дали, увижу едва-ли
Я вас, о мне так нелегко!
Проклятой Виргинии морозы и иней
Моей незнакомы стране,
Цветы там милее, и воды там—синие,
О, таяко в Виргинии мне!
Свистит, нападаая, тугая, тугая,
Плантатора белого плеть...
О милых друзьях и былом вспоминая,
Я буду о родине петь...

Р О Б И Н

В деревне парень был рожден,
Ни день, ни час не сохранил,
Когда вздохнул впервые он —
Что в том, коль то был Робин!
Сердитый ветер во дворе
Напоминал о январе...
О Робине в календаре
Не сказано ни слова!
Кума, мальчишки взяв кулак,
Соседям говорила так:
Наш парень будет не дурак,
Зовите парня—Робин!
Ему немало предстоит
Беды, несчастья и обид,
Но парень будет знаменит,
И нас прославит Робин.
Скучать с таким нелзя, о нет!
Соседок с самых ранних лет
Поллюбит пылкий наш сосед —
Веселый малый Робин!
Девчонок в ночь пустить одних...
О, Робин наш не из таких!
Зато пороков тьму других
Не будет врать Робин!

Припев:

Славный малый, крепкий малый,
Робин был веселый малый,
Робин был веселый малый,
Славным парнем был!

Д Ж О Н А Н Д Е Р С О Н

Джон Андерсон, давным-давно
Ты знал мою любовь...
Чернее ворона крыла
Была густая бровь...
И вот уже, мой милый Джон,
Ты снегом опушен...
Благословенна седина
Твоя, мой милый Джон.
Джон Андерсон, мой верный Джон,
Забывать ли юность нам!
И если жизнь—огромный холм,
Мы шли, обнявшись, там.
Теперь мы под гору бредем—
Уж смерть недалека...
Дай, руку мне, мой милый Джон,
И вот — моя рука!

Д Ж И Н

Пусть разойдемся на года,
Пусть полюс—предо мной—
Согреет сердце и тогда
Любимый образ твой.

Пусть горы встанут на пути—
Среди любых стремнин
Ничто не помешает мне
Любить как прежде—Джин.

КОГДА БЫ ВИХРЬ ПРОМЧАЛСЯ ВДРУГ...

Когда бы вихрь промчался вдруг
На поле том,
На поле том,
Тебя укрыл бы я, мой друг,
Моим плащом,
Моим плащом.

Когда б несчастья шторм вокруг
Над головой прошел твоей,
Любил бы я, мой милый друг,
Еще сильней,
Еще сильней.

И если только—даль пустынь,
И только даль, и только зной —
Я был бы счастлив, если б ты
Была со мной,
Была со мной.

И если б в дар мне принесли
Весь шар земной—войдя в мой дом,
Дороже всех богатств земли
Была б ты в нем,
Была б ты в нем!

СЕЛЬСКИЕ КРАСАВИЦЫ

Милей и нарядней не ведает свет
Чем девушки наши —

красивы они же,
Осанка — которой и в Лондоне нет,
А платья — таких не найдешь и в Париже.
Мисс Эн — весела,

мисс Миллер — смела,
Мисс Смит — остроумна, божественна — Бетти,
Мисс Мортон — красива, скромна
и мила,

Но Джин — всех девчонок милей мне на свете!

ВЕСЕЛЫЙ ВДОВЕЦ

На бабе вздорной я женился
Тринадцатого ноября,
Всю жизнь язык ее бранился,
Со мной добром не говоря.
Влачил я долго цепи брака,
Беда беду с собой влекла...
Что говорить — бывало всяко,
Да женка, к счастью, умерла.
Мы двадцать лет с ней жили вместе
Как муж с женой, да вот беда —
Ушла... Куда? Скажу по чести,
Не знаю сам, ушла куда.
Когда б проведаль я заране,
Что мне несет подобный брак,
Я б на любой женился дряни,
Но на моей жене — никак!
Зарыли тело многогрешной,
А душу гроб не сохранил...
Сам чорт при встрече с ней поспешно
Из ада в страхе убежит.
Когда ж на небе полог черный,
И слышится сердитый гром,
Я знаю — это голос вздорный,
Который мне давно знаком.

РАНЕНЫЙ ЗАЯЦ

Будь проклят тот, кто смерть в душе таит,
Чей черный взор убийство злобно прячет,
Пусть сострадание, если он заплачет,
Свое лицо к нему не обратит...

Беги скорей, пришлец моих полей,
Нет зла в тебе и жизни так немного,
Среди цветов лежит твоя дорога,
В последний раз ты пробежишь по ней.
Он будет тяжек твой последний путь,
Глаза сомкнулись, как на сон похоже!
Тростник укрыл твоей печали ложе,
К земле прижалась раненая грудь.

И снова воды синий Нис струит...
И я приду сюда опять с рассветом,
Но никогда уже перед поэтом,
Веселый друг полей не пробежит!

СОДЕРЖАНИЕ

1. Бессмертие поэта	Стр. 3
2. Библиография	24
3. Переводы из Бернса:	
Честная бедность	25
Джон Ячменное зерно	27
Песня негра	29
Робин	30
Джон Андерсон	31
Джин	32
Когда бы вихрь промчался вдруг	33
Сельские красавицы	34
Веселый вдовец	35
Раненый заяц	36